

ДЕТЕКТИВНЫЙ РОМАН

АННА КНЯЗЕВА

РОМАН

БЕЗ ПОСЛЕДНЕЙ
СТРАНИЦЫ

Анна Князева
Роман без последней страницы
Серия «Людмила Дайнека», книга 1

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8221122
Анна Князева. Роман без последней страницы: Эксмо; Москва; 2014
ISBN 978-5-699-73913-4

Аннотация

Дайнека умирала от любопытства – в квартире этажом выше снимают кино! Ей удалось проникнуть туда и даже познакомиться с членами съемочной группы. Особенное впечатление на девушку произвела актриса Лидия Полежаева. Но вскоре ее нашли мертвой в той самой квартире...

Соседом сверху, сдавшим квартиру киношникам, оказался знаменитый писатель Василий Тихонов. В советские времена он прославился как автор одного-единственного романа, а потом попал в центр скандала: его подозревали в плагиате, но это так и осталось недоказанным...

Невольно втянувшись в расследование убийства актрисы, Дайнека пришла к парадоксальному выводу: преступники искали в квартире роман Тихонова. Но не тот, что был издан миллионными тиражами, а черновик рукописи, где зашифрована какая-то тайна...

Содержание

Пролог	4
Глава 1	8
Глава 2	17
Глава 3	25
Глава 4	29
Глава 5	36
Глава 6	42
Глава 7	48
Глава 8	56
Глава 9	62
Глава 10	68
Глава 11	75
Глава 12	85
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Анна Князева

Роман без последней страницы

Пролог

Флешбэк № 1

Дождя не было с самой весны. Трава поднялась хилая даже в чистых лощинах, где косили для колхозных коров. В лесных покосах для домашней скотины – еще хуже.

Косили и грабили¹ только бабы. Мальчишки на можарах² свозили траву к силосной яме, в которой топтались тощие девки. Трава набивалась медленно, потому что даже самая здоровая баба не выкосит столько, сколько наработает хлипкий мужик. А их в деревне было всего трое: слюнявый Ку-ста, горбатый Митька и председатель Савицкий. Четвертый – дед по прозвищу Ерш, тот, что гнал деготь за кладбищем, где много берез, еще в мае сделал гроб, втащил его на чердак, упал и насмерть убился. В том гробу его и схоронили.

Вечером бабка Хохлиха взяла икону и пошла по дворам.

¹ Грабить – сгребать граблями траву в кучи.

² Можара – длинная телега с решеткой из досок и палок по бокам.

Собрала баб, что подоили коров. Так, всем гуртом, отправилась с иконой в поле молиться, просить Боженьку о дожде.

Ночью прошел дождь, а с утра в деревне готовились к свадьбе. С работы отпустили одних только девок, подружек невесты, их набралось около двадцати. Баб оставили на покосе. Обычное дело, им, старым, пристало только работать.

Оба, и жених, и невеста, были из сосланных чухнов³. Манька в девках пересидела, кроме нее в семье было еще трое ребят. Отец помер, и мать сосватала ее за горбатого Митю Ренкса. Выдать – и с глаз долой, пусть кормит муж.

В доме, как у всех, была голодуха. В округе на шесть километров не росло даже щавеля. Листья щипали с картошки. Рубили, варили, заправляли отгоном⁴, его было вдоволь, потому что масло сдавали в районный центр по налогу.

Невесту приготовили до обеда. Вырядили в белое платье из отбеленного на морозе холста. Сдвинули столы, покрыли скатертью из того же холста, что платье невесты.

Мать выставила миски с вареной картошкой и соленой капустой красного цвета, такую каждый год квасили с бураками. Вытащила из печки чугуна, в котором томилась брюква. Переложила желтые разваристые кругляши в глубокую чашку. Поставила на стол два гусака⁵ с самогонкой и медовуху в коричневой крынке.

³ Чухны – пренебрежительное прозвище эстонцев или финнов.

⁴ Отгон – сыворотка, побочный продукт переработки молока.

⁵ Гусак – бутылка на 2,5 литра с длинным горлышком.

Младшие сидели на печке, глотая слюни, смотрели, как мать несет к столу тазик с сушками, облитыми жирной сметаной. Еще вчера она выпекла их из муки, которую колхоз выделил к свадьбе. О них все трое мечтали ночью, надеясь, что, захмелев, кто-нибудь из гостей кинет на печь несколько штук.

Время шло, Манька села в торец стола. Рядом – пустой стул. Подружки запели свадебную и стали ждать жениха.

Наконец услышали скрип ворот, в хату зашел председатель, раскинул руки и прокричал:

– Митька помер!

– Чегой-то? – вскинулась мать.

– Вымылся, штаны постирал, рубаху. Там, в бане, его и зарубили. Всю ночь пролежал, пока не нашли.

– А-а-а-а! – закричала Манька.

Председатель обвел взглядом стол, потом унылые лица подружек. Снял кепку и почесал в голове.

– Ты, вот что... – сказал он Маньке, – чтоб ничего не произошло. За Кусту пойдешь. Сегодня. – Он снова посмотрел на еду. – Жрать нечего...

– За Кусту я не пойду! Он слюнявый, у него рот открыт...

Манькина мать закричала:

– Пойдешь! Я тебя в бочке солить не буду! Ты мне здесь не нужна!

Председатель надел кепку и вышел из хаты. Манька выскочила на улицу, вцепилась в телегу и взревела во весь го-

лос. Председатель ругнулся и вытянул ее хлыстом вдоль спины. Она отцепилась, упала на землю. Из хаты выбежала подружка и стала тащить ее за руки.

– Вставай, Манька, в хату идем.

– Ой лишенько мне, Вера, – плакала невеста. – Ой, лишенько... Грешница я – понесла...

Вера отпустила ее руки, и Манька распласталась в пыли.

– Митенькин?

– Нет, не его.

– А Митенька знал, от кого?

– Знал.

– Теперь ты молчи!

Петрушу Кустова на свадьбу привезли немывтым, в потной рубахе, в портянках и пыльных лаптях. Рубаха, как и штаны, у него была одна. В ней работал, в ней спал, в ней приехал жениться. Никто в деревне его не любил, никто не хотел.

Кусту усадили рядом с невестой. Выпили самогонки и скоро крикнули:

– Горько!

Манька заплакала:

– Я не буду...

А Куста полез целоваться.

Про бедного Митю Ренкса не вспоминали. В сравнении с общей большой бедой его смерть была пустяком.

На дворе стоял июль 1943 года.

Глава 1

Светлый путь

Снег выпал уже в ноябре, поэтому весь декабрь Москва была новогодней. Этого настроения Дайнеке хватило до января. В январе наступила сессия. Последний экзамен она сдала в день, когда началась эта история.

В кармане лежала зачетка с деканатской отметкой, Дайнека была свободна, как вольный ветер. Выйдя из метро на своей станции, она споткнулась о раскладной матерчатый стул, на котором висела табличка: «Гадаю». Рядом стояла женщина, несколько не похожая на цыганку. Встретившись с ней глазами, Дайнека спросила:

– Почем гадаете?

– По руке, – ответила та.

– Я в смысле... Дорого? – уточнила Дайнека и сама себе удивилась, потому что не собиралась задерживаться.

– Двести.

– Рублей?

– Разумеется. – Гадалка посмотрела на нее строгим взглядом поверх очков. Совсем как учитель начальных классов.

После этого нужно было уйти или остаться. Дайнека выбрала второе и уселась на стул.

– Вот... – она протянула правую руку ладошкой кверху.

– Сначала давайте левую, – сказала женщина и села на маленький табурет.

Прохожие не обращали на них никакого внимания.

Дайнека сняла варежку и протянула другую ладошку. Гадалка взяла ее и покрутила, будто улавливая солнечный свет. Отыскав нужный ракурс, склонила голову.

– Теперь правую, – сказала она, не отпуская левой руки.

– Вот.

– Ага... – обронила гадалка и подтянула к носу обе ладошки, поочередно заглядывая то в одну, то в другую.

– Что там? – обеспокоенно спросила Дайнека.

– Не подгоняйте. Дешевле не будет. – Женщина провела пальцем по глубокой линии, которая начиналась на сгибе между указательным и большим пальцем. – Светлый путь, – прошептала она.

– Что?

– Светлый путь, – повторила гадалка.

– Что это значит?

– Отец жив, я вижу его, но не рядом. А вот мать... Такое ощущение, что семья у вас была только в начале жизни. Вы одиноки. Мужа нет... Нет даже собаки. Вижу пустой дом. В Москве лет пять или семь. Издалека...

– Раньше я жила в Красноярске, – подсказала Дайнека.

– Точный адрес по руке не увидишь.

– Остальное все правильно, – Дайнека собиралась закончить гадание, опасаясь, что ворожея скажет что-нибудь

неприятное.

Так и вышло.

– Любопытство... Вот что вас все время подводит. Любопытство и безрассудная смелость. А еще желание справедливости.

– Почему же подводит?..

– Думаю, не раз вы лезли не в свое дело и получали за это, – усмехнулась гадалка. – Ведь получали?

– В смысле неприятностей? Ну, бывало... – туманно ответила Дайнека.

– Теперь будет хуже, если вовремя не уйметесь.

– Хуже... насколько?

– Ужас как худо.

– Меня ожидает что-нибудь страшное? – Дайнека вздрогнула и отдернула руку.

Женщина мягко вернула ее и продолжила:

– Все зависит от вас. Не надо вступать между тем, что есть, и тем, что должно быть. Во всяком случае в ближайшее время.

– Почему только в ближайшее? – спросила Дайнека.

– Может случиться нечто непоправимое.

– Я так и знала... – прошептала девушка, имея в виду, что зря ввязалась в это гадание.

– Если послушаетесь меня, ничего плохого не случится.

Кивнув, Дайнека подумала о том, что хорошо бы сбежать. Однако гадалка серьезно посмотрела ей в глаза и, не отпус-

кая рук, продолжила:

- Опасность исходит сверху...
- Что это значит?
- Опасность над твоей головой.
- Глупости, – усмехнулась Дайнека.
- С вас двести рублей.

Она вынула кошелек, нашла пару сотенных и протянула гадалке. После чего встала и поспешила домой.

Дом, где жила Дайнека, был старый, лучше сказать – старинный. Фасад, куда выходили окна ее квартиры, был розового цвета. Цоколь – темно-коричневого. Арка, ведущая в глубь двора, имела пару чугунных створок, которые при желании можно было закрыть, однако закрытыми их никто никогда не видел.

Через эту арку Дайнека прошла утром, отправившись на экзамен, через нее вернулась обратно. Она уже вошла во двор, когда ее вдруг сильно толкнули. Она развернулась и, поменяв направление, споткнулась. Рядом промелькнула машина, которая проехала дальше, к ее подъезду.

Жаркая волна обиды и возмущения охватила Дайнеку, и она рванулась к машине. В салоне сидел водитель. Приблизившись к дверце, она пальцем постучала в стекло.

– Вы чуть не сбили меня!

Водитель на нее покосился, но позы не поменял. Дайнека стукнула еще пару раз. В ответ – никакой реакции.

Она обошла машину. И вдруг поняла – перед ней зо-

лотистый «Бентли». Решив, что дальнейшие разборки бессмысленны, зашла в тамбур подъезда, приложила магнитный ключ к кругленькой пимпочке и, когда дверь открылась, поднялась на первый этаж. Перед лифтом стоял крупный мужчина в черном пальто. Обернувшись, он выставил в стороны локти, прикрыв собой распахнутую кабину.

Даже если бы захотела, Дайнека не разглядела бы ничего. Ее нос располагался как раз на уровне верхней пуговицы пальто недружелюбного гражданина. Пришлось свернуть к лестнице. Впрочем, она и не собиралась ехать на второй этаж в лифте. Где-то на полпути мимо нее вверх проплыла кабина.

Зайдя на второй этаж, Дайнека с ходу отправилась выше. Добралась до межэтажной площадки, и эта точка ее восхождения оказалась конечной. Там стоял еще один гражданин, который был несколько не дружелюбней. Он заступил ей путь.

Дайнека задрала голову, взгляделась в его лицо, затем развернулась и стала спускаться вниз. Скоро за ней захлопнулась дверь квартиры.

Дома она сразу легла в постель, рассчитывая выспаться после бессонной ночи подготовки к экзамену. Потом поняла, что немного перегуляла. Как обычно бывает в таких случаях, в голове бродили глупые мысли, а сна – ни в одном глазу.

Дайнека смотрела на потолок. На нем не было ничего интересного, но в квартире на третьем этаже кто-то расхажи-

вал. Она различила тяжелую поступь, после чего над ней что-то поехало или тяжело покатилося.

Такая активность наверху была необычной. Там проживал старик, который все свое время проводил на даче. Дайнека видела его пару раз. Одна из этих встреч запомнилась ей надолго.

Однажды, когда она училась в десятом классе, вернулась домой из школы, согрела борщ и уже налила его в тарелку, как вдруг к ней в дверь постучали. Решив, что пришла Нина, подруга, что жила в соседней квартире, Дайнека сразу открыла.

На пороге стоял полицейский. Окинув ее взглядом, сказал:

- Вам придется пройти со мной.
- Куда? – поинтересовалась она.
- Этажом выше. Там ограбили квартиру, нужны понятые.

Возьмите с собой паспорт.

Дайнека сбегала в комнату, принесла паспорт, прикрыла входную дверь и в тапках отправилась на третий этаж. Дверь квартиры была распахнута настежь. Внутри расхаживали мужчины в форме и обычные штатские.

Один из них спросил полицейского:

- Кто это?
- Понятая.
- Сколько ей лет?
- Сколько тебе лет? – Полицейский переадресовал вопрос

Дайнеке.

– Шестнадцать, – сказала она.

– Ошибочка получилась, товарищ следователь. – Офицер козырнул в никуда, как раз посередине между Дайнекой и штатским.

– Что мне теперь делать? – спросила она.

– Идите домой, – приказал следователь и больше не обращал на нее никакого внимания, как и другие, снующие по комнатам люди.

Полицейский ушел искать понятых, а Дайнека вжалась спиной в угол прихожей, стараясь стать незаметной. Жуткая круговерть увлекла ее. Очень хотелось знать, как это все бывает. Постояв в коридоре, она бочком пробралась в гостиную и, пробыв там минут двадцать, перешла в спальню. Так она курсировала по всей огромной квартире, подслушивая, подглядывая и вникая в происходящее.

Спустя какое-то время в гостиную вбежал старик хозяин, схватился за сердце и рухнул в просторное кресло.

– Кто-нибудь! – крикнул следователь, не отрываясь от протокола. – Принесите ему воды!

Дайнека со всех ног бросилась в кухню и вскоре вернулась с кружкой. Ее заметили и попытались прогнать. Однако старик схватил ее за руку, забрал кружку и стал жадно пить воду. Потом поднялся и приказал:

– Отведи меня в кабинет!

Покосившись на своих «гонителей», Дайнека повела его

в комнату, которая служила кабинетом. Старик вошел и тяжело привалился к стене. Отдышавшись, сел за письменный стол и выдвинул ящик. К ним приблизился следователь:

– Что-то пропало?

– Орден Ленина и Звезда Героя на месте. Остальное – неважно, – сказал старик и с облегчением откинулся в кресле.

– Ты еще здесь? – Следователь посмотрел на Дайнеку. – А ну, быстро делать уроки!

Так закончился ее первый и единственный визит в ту квартиру.

Дайнека лежала в постели и смотрела в потолок. Наверху тащили что-то тяжелое, затем слышались голоса. Один был определенно мужской и звучал громче других. Ей очень хотелось понять, что там происходит. Сухие деревянные перекрытия имели свои преимущества: казалось, она различает отдельные слова.

– Живей... внимательно... там посмотрел...

Вслед за шагами голоса переместились в соседнюю комнату. Дайнека вскочила и, шлепая босыми ногами, побежала за ними. Сколько ни прислушивалась, ничего различить не смогла. Вот если бы они оказались на кухне...

Дымоход, оставшийся со времен печного отопления и приспособленный под вытяжку для газового оборудования, служил нежелательным звукопроводом. Всем жильцам дома было известно: если хочешь, чтобы твои секреты знали со-

седи – расскажи их на кухне.

Дайнека передвигалась за голосами по всей квартире. Ее любопытство подстегивалось невозможностью слышать, о чем говорят эти люди. Сначала она пошла в гостиную, потом переместилась в отцовскую спальню, потом в его кабинет. Вслед за шагами и чуть слышными голосами перешла в коридор и мало-помалу оказалась на кухне. Это был ее звездный час. Она взяла стул, приставила его к вытяжке и встала на цыпочки. Так и замерла.

– Что?! – спросил голос, звучавший громче других. Ему стали отвечать, но он перебил: – Светлый путь.

И снова чей-то неразборчивый голос...

– Светлый путь! – крикнул мужчина.

Дайнека втянула голову в плечи, ей стало не по себе. Казалось бы, хорошие слова, а сказаны угрожающе.

Глава 2

Аромат алой розы

Утром, пока Дайнека чистила зубы, смывной бочок в туалете квартиры на третьем этаже сработал несколько раз.

– Наверное, у кого-то понос...

Из ванной она прошла в гостиную, окна которой выходили во двор. Села на подоконник, выглянула в окно и ахнула во весь голос. Во дворе творилось что-то невообразимое. Такого Дайнека здесь не видела никогда.

На газоне стоял кремовый автобус с надписью «Мосфильм», под аркой – большой пестрый фургон, от которого к подъезду тянулась связка кабелей. У стены под ее окнами развернулась импровизированная столовая. На покрытом пленкой столе стояли кастрюли с едой. В одной из них точно была селедка под шубой. Там же Дайнека увидела термос с торчащим половником. Рядом со столом топталась круглая тетка в синем фартуке, надетом поверх куртки.

По всему двору рассредоточились жующие люди. Все в руках держали тарелки. Многие из них ели селедку под шубой. В арке стояла группа мужчин и женщин. Все они курили.

Раздался звонок. Дайнека бросилась к двери, открыла, выглянула наружу и увидела, что по лестнице наверх поднима-

ется лысый мужчина в клетчатом пиджаке. Он обернулся и тоже посмотрел на нее.

– Простите, что побеспокоил... – «Клетчатый» стал спускаться к ней обратно.

– Кто вы? – спросила Дайнека.

– Родионов Алексей Петрович, директор съемочной группы.

– Какой еще съемочной группы?

Мужчина сошел с последней ступеньки, размашисто локтем вверх поднял руку и поправил очки.

– Кинематографической. Пришел, чтобы всех проинформировать, а заодно принести извинения за доставленное неудобство.

– Вы здесь, что ли, кино снимаете? – На лице у Дайнеки появилась восторженная улыбка.

Киношник приободрился:

– Российское кино. Наш сериал.

– А где?

– В квартире над вами. Не беспокоим?

– Что вы! Мне даже нравится.

– Вот и прекрасно, – директор выполнил свою миссию и собирался уйти.

– Подождите! – остановила его Дайнека. – А долго вы здесь пробудете?

– Квартиру арендовали на месяц. В идеале – должны успеть. Сегодня утром заехали, только-только установили

аппаратуру.

– Разве не вчера? – спросила она.

– В каком смысле? – не понял директор.

– Мне показалось, вы заехали вчера вечером.

– Мой заместитель получил единственный ключ только сегодня. Даже у меня ключа пока нет.

– А как называется?

– Что?

– Ваш сериал.

– «Аромат алой розы».

– Прямо так и называется? – удивилась Дайнека. – А серий много?

– Тридцать две.

На площадку второго этажа поднялся невысокий, худенький человек.

– Здравствуй, Цыбин, хорошо, что пришел. – Родионов пожал ему руку и представил Дайнеке: – Наш режиссер монтажа.

Тот улыбнулся:

– Юрий Цыбин, очень приятно, – сказал и отправился дальше, на третий этаж.

Родионов тоже сделал попытку уйти.

Дайнека спросила:

– А кто будет жить в той квартире?

– Не понял вопроса...

– Ну, по сюжету...

– Ах, вот вы о чем, – он улыбнулся. – По сценарию квартира принадлежит профессору и его сыну, пианисту мирового уровня. Мы долго искали солидный интерьер в стиле восьмидесятых. Действие происходит именно в этот период. – Родионов указал пальцем на третий этаж. – Квартиру выставили в аренду, и мы немедленно ее сняли. Когда режиссер увидел фотографии, сразу сказал: то что надо. Пять комнат, есть место для гримерки и костюмерной. Считайте, нам повезло. – Он занес ногу на ступеньку.

Дайнека снова спросила:

– Из артистов кто будет сниматься?

– Короткин, Васильченко, Ветров, Филонова, – перечисляя, Родионов поднимался по лестнице, последнюю фамилию назвал, сворачивая за сетчатый корпус лифта.

Ни одного из артистов Дайнека не знала, но ее восхищение от этого не умерилось.

– А из знаменитых кто будет?!

– Полежаева.

– Спасибо! – прокричала она и услышала в ответ:

– Чего ты здесь разоралась? – Рядом с ней стояла Нина, ее подруга. Она сняла пуховик и энергично встряхнула его. – Снег.

Дайнека поежилась. В подъезде гулял сквозняк.

– Холодно.

– Входная дверь открыта, ее камнем приперли. Видела, что творится во дворе?

– Киношников кормят.

– Уже знаешь... Вера Ивановна с первого этажа подписи собирает. К тебе не заходила?

– Нет. – Дайнека полюбопытствовала: – А зачем?

– Подписи? Чтобы их выгнать. – Нина окинула ее взглядом. – Замерзла? Идем лучше к тебе.

Соседняя дверь открылась. На лестничную площадку вышла старая дама в бежевом платье с белоснежным воротником, сколотым крупной камеей.

– Здравствуйте, Эльза Тимофеевна, – сказала Дайнека.

– Как чувствуешь себя, Людочка? – Старуха называла ее по имени, а не по фамилии, как предпочитала девушка.

– Хорошо! – жизнерадостно сообщила Дайнека.

– Мне кажется, ты простужена.

– Со мной все в порядке.

– Бабуль, я зайду к Людмиле, потом сразу домой, – Нина обняла старуху за плечи. – Завари, пожалуйста, чай.

– И все-таки, Людочка, прими аспирин. – Эльза Тимофеевна с достоинством удалилась.

Дайнека впустила Нину в прихожую, захлопнула дверь и помогла повесить в шкаф ее пуховик. Они вместе прошли в гостиную.

– У тебя есть градусник? – спросила Нина.

– Зачем?

– Смерь температуру.

– Я здорова, – возразила Дайнека, но все-таки нашла гра-

дусник.

Нина стряхнула его и сунула ей под мышку.

– Если бабуля сказала, значит, ты заболеваешь. Она на три метра под землей видит.

Дайнека уселась в кресло и спросила:

– Где ты была?

– Да так... Бабуле сказала, что ночью у матери, маме – у бабули. К счастью, они редко созваниваются. Чего ты орала на лестнице?

– Когда?

– Только что.

– А... Это ко мне директор приходил.

– Киношник? Зачем?

– Про сериал рассказывал.

– Только за этим?

– Извинения приносил. А мне, знаешь, нравится, что в нашем подъезде кино снимают.

– Сериал, – поправила ее Нина.

– Какая разница?

– Большая. Теперь столько мусора развелось. Этот как называется?

– «Аромат алой розы».

Нина забрала градусник и, взглянув на него, озабоченно свела брови.

– Лекарства у тебя есть?

– А зачем мне лекарства? – спросила Дайнека.

– У тебя температура тридцать восемь и пять!

– В аптечке наверняка что-то валяется.

– Бабуля велела пить аспирин, но я думаю, лучше – антибиотик. – Нина прислушалась. – Тебе не кажется, что стучат?

– Они целый день стучат и что-то там перетаскивают.

– Да нет, в дверь...

Дайнека вскочила с дивана, однако Нина остановила ее:

– Сиди, я открою. – Немного погодя из прихожей раздался ее голос: – У тебя есть фартук или передник?

– Зачем? – Не в силах усидеть, Дайнека прошла к двери.

На пороге стоял молодой симпатичный парень.

– Фартук нужен в качестве реквизита, – вежливо разъяснил он. – Мы снимаем сцену на кухне.

– У меня только с Дедом Морозом, – сказала Дайнека.

– Прекрасно.

– Но ведь у вас в фильме – восьмидесятые.

– В восьмидесятых тоже были фартуки с Дедом Морозом.

Нина прошла на кухню и быстро вернулась с передником.

– Этот? – спросила она у Дайнеки и развернула его.

Паренек деликатно взял фартук из Нининых рук.

– Спасибо. – И спросил у Дайнеки: – Ну, я пошел? – Не дожидаясь ответа, выскочил из прихожей и побежал вверх по лестнице.

– Если что, заходите! – проорала она в открытую дверь.

– Угомонись, – велела Нина и взяла свой пуховик. – Пойду я.

- Не посидишь? – с сожалением проронила Дайнека.
- Спать хочу.
- Не буду спрашивать, что ты делала ночью.
- И не надо...

С этими словами Нина закрыла дверь, и Дайнека осталась одна.

К вечеру она совсем разболелась. Съела пару таблеток, спать легла рано.

Глава 3

Одной лучше

Всю ночь у нее был жар. Температура поднялась до тридцати девяти, а под утро тело покрылось испариной. Дайнека переоделась в сухое, и ей стало легче.

Утром приехал отец и, не снимая пальто, заглянул в ее комнату.

– Здравствуй, папа. Кажется, я заболела... – сообщила она.

– Я будто чувствовал.

– Температуры уже нет...

– И как я тебя одну оставлю? – Отец сел на кровать рядом с ней.

– А в чем сложность? Жила же я одна до сих пор.

– Сложность в том, что тебе нужен уход. Надо чем-то питаться.

– Купи мне продуктов. До холодильника я как-нибудь доберусь.

Вячеслав Алексеевич пристально посмотрел на дочь. Худенькая фигурка, бледное, осунувшееся от болезни лицо. Короткие темные волосы ежиком торчат в разные стороны.

– Нет, – он решительно встал с дивана. – Сейчас же соберу твои вещи.

– Я не поеду на дачу! – крикнула Дайнека, когда он направился к шифоньеру. – Говорю тебе, я отлично справлюсь сама!

Вячеслав Алексеевич обернулся.

– Мы опять возвращаемся к старому разговору, – строго сказал он. – Если ты не хочешь встречаться с Настей...

– Нет, папа, дело не в этом.

– Не ври. Я знаю, что это так.

– Ну, если знаешь...

– Тысячу раз тебе говорил, Настя полноценный член нашей семьи. Как и Серафима Петровна. – Он стал беспокойно ходить по комнате. – Не моя вина, что мама от нас ушла...

– Папа, не надо, – жалобно попросила Дайнека.

– Прости, не буду. – Он снова сел на кровать и взял ее за руку. – Ну, как ты здесь будешь одна?

– Эльза Тимофеевна и Нина живут в соседней квартире.

– Они всего лишь соседи. Эльзе Тимофеевне впору самой помогать. Ей лет девяносто.

– Она еще вполне ничего, – возразила Дайнека.

– Хорошо, – Вячеслав Алексеевич встал и направился к выходу. – Сейчас куплю продуктов. Позвони, если тебе еще что-то понадобится.

Хлопнула дверь, Дайнека осталась одна. Схватившись за телефон, набила отцу эсэмэску:

«Купи, пожалуйста, газировки».

Она давно простила отца за его привязанность к этим

женщинам: гражданской жене и ее матери. Они создали для него комфортный, уютный мир, в котором не было места для нее, его дочери. Впрочем, Дайнеке не очень-то туда и хотелось. Она отпустила отца с Богом и стала привыкать жить одна, тоскуя о матери, которой тоже не было в ее жизни.

Теперь настало время подумать, как отнестись к встрече с гадалкой. Проще всего решить, что ее предсказания – дешевое надувательство. Все изменила одна фраза, которую Дайнека услышала сначала от нее, а потом на кухне, когда стояла на стуле у воздуховода. Мужчина, который расхаживал по квартире над ней, отчетливо произнес слова: «Светлый путь». То же самое она услышала от гадалки. Могло ли это быть простым совпадением? Могло. Только Дайнека в это не верила.

Теперь ей было ясно: мужчина, которого она слышала, приехал сюда в золотистом «Бентли». Это его охранники не пустили ее в лифт, а потом на третий этаж. И как этого богатея соотнести с теткой, гадающей у метро?

О том, что предсказала гадалка, Дайнека решила не думать. Просто сказала сама себе:

– Поживем – увидим.

Вячеслав Алексеевич вернулся из магазина, выложил в холодильник продукты и снова сел на кровать рядом с дочерью.

– Я зашел к Эльзе Тимофеевне, сообщил, что ты заболела. Тебе поможет ее внучка. Или кем там она ей приходится...

– Нина – ее правнучка.

– Ого... – Он помолчал, потом заговорил очень решительно: – Через два месяца тебе исполнится восемнадцать. Купим машину – сразу переедешь на дачу. До университета отсюда ехать не больше часа.

Дайнека не возражала, она не собиралась продолжать бессмысленный спор. Просто для себя решила, что будет жить в московской квартире.

Посидев с ней еще немного, Вячеслав Алексеевич уехал на дачу. Когда прощался с дочерью, вид у него был виноватый. Впрочем, как и всегда.

Убедившись, что он ушел, Дайнека тихо сказала:

– Лучше быть больной и голодной... Лучше одной, чем с Настей и Серафимой Петровной.

Глава 4

Окно во двор

Ближе к вечеру Дайнека окончательно поняла, что ей нечем себя занять. Она легла в постель и какое-то время слушала, вернее прислушивалась, что делается наверху. Отчетливо звучали шаги, и было ясно, что там много народа.

Больше всего на свете Дайнеке хотелось оказаться в самой гуще кинематографических событий. Села бы в уголке и сидела так, чтобы ее никто не замечал и, главное, не прогонял.

Представив себя на съемках, она тут же стала выдумывать, как ей туда пробраться. На ум пришла фамилия лысого: Родионов.

Что, если прийти и сказать:

– Где тут у вас Родионов? – А когда он отыщется, прищуриться и процедить с укоризной: – Что же вы, Алексей Петрович, не предупредили меня?

Он, конечно же, возразит:

– Я заходил! Я вас предупреждал!

– Но я-то не знала, – скажет Дайнека, – что вы будете меня так ужасно беспокоить!

– Что же нам делать... – огорчится директор.

И тут она выдаст главное:

– А давайте я здесь посижу.

Теперь осталось придумать, как на это отреагирует Родионов.

Дайнека вздохнула, встала с кровати и потихоньку пошла в гостиную, там вскарабкалась на подоконник. С опозданием сообразила, что он холодный и в следующий раз нужно будет подстелить одеяло.

За окном уже стемнело, и шел снег. Мосфильмовский автобус оставался на месте, как и фургон, от которого тянулись куда-то вверх кабели.

«В окно, – догадалась Дайнека. – Значит, рамы открыты».

Подумала и с сожалением заключила:

– Теперь Вера Ивановна с первого этажа совсем озверет...

Ей страшно не хотелось, чтобы киношники уехали раньше времени. Она решила срочно оценить масштабы бедствия, посмотреть, что творится в подъезде...

Дайнека сползла с подоконника и поковыляла к двери. Вышла на лестничную площадку. У распахнутого окна между вторым и третьим этажом курила стройная женщина.

– Э-э-эй... – тихо позвала Дайнека.

– Да! – вскрикнула женщина.

– Нужно закрыть окно... Иначе Вера Ивановна...

– Нет!

– Как хотите, только Вера Ивановна...

– Плевать я хотела! – В голосе женщины звучала актерская экзальтированность.

– Вы артистка? – спросила Дайнека и поднялась на пару ступенек, чтобы лучше ее разглядеть.

– Завтра не могу! Утром я улетаю. Имею право я отдохнуть пару недель?

– Так я и не возражаю, – удивилась Дайнека и вдруг сообразила, что женщина говорит по телефону. – Ой, – смутилась она и замолчала.

– Брось... Вернусь, тогда и поговорим. – Женщина обернулась и, заметив Дайнеку, дружелюбно ей улыбнулась.

Она узнала эту улыбку. Так призывно, по-цыгански, улыбалась только Лидия Полежаева.

Та продолжала говорить в трубку, разглядывая между делом Дайнеку.

– Сегодня у меня здесь последний съемочный день.

Дайнека терпеливо ждала, когда закончится разговор. И как только Полежаева отняла трубку от уха, снова спросила:

– Вы артистка?

– Да, – улыбнулась та.

– Лидия Полежаева?

– Спасибо, что узнали.

– Я хотела вас попросить...

– Не стесняйтесь, – Лидия ободряюще улыбнулась, видимо, решив, что речь пойдет об автографе.

– Нужно прикрыть окно, – наконец сказала Дайнека и, указав на сигарету в ее руке, добавила: – И лучше здесь не курить. Если Вера Ивановна увидит, всем будет плохо.

– Конечно. – Лицо у Полежаевой вытянулось, и она стала просто худой, сорокалетней прокуренной теткой.

Взглянув на руку, актриса выкинула окурок. Потом подобрала и сунула его в стеклянную банку, стоящую на подоконнике.

– Простите, – выдавила из себя Дайнека.

Полежаева прикрыла окно.

– Не за что.

Когда Дайнека вернулась домой, ей стало еще скучнее, и она снова прильнула к окну. Спустя полчаса поняла, что за годы проживания в этом доме многое пропустила. Она совсем ничего не знала про соседей в крыле напротив, хотя замкнутый двор-колодец располагал к наблюдениям. Подумав об этом, она сообразила: возможности у всех равные, за ней тоже могли подсматривать. На четвертом этаже противоположного крыла дома за балконными прутьями Дайнека разглядела старуху, сидящую в инвалидной коляске. Та была укутана в пуховик, а поверх него замотана шалью. Видела ли ее старуха? Наверное, видела. Что еще ей делать, кроме как смотреть на окна соседей?

Балконная дверь открылась, вышла легко одетая девушка, развернула кресло-каталку и толкнула в помещение.

Дайнека задернула шторы. В дверь позвонили, она поспешила в прихожую. На пороге стоял тот же парень, что приходил за передником.

– Простите...

– Заходи, – Дайнека отступила в глубь прихожей.

Парень вошел.

– Найдется у вас турка?

– Чаю хочешь? – с ходу предложила она.

– Мне нужна турка. – Он показал наверх. – Там сцену с кофе снимают...

– Идем, – Дайнека двинулась в кухню. Поколебавшись, парень пошел за ней. – Тебя как зовут? – спросила она.

– Сергей.

– Меня – Дайнека.

– Будем знакомы.

– Вот, – она протянула ему турку. – Сгодится?

– Вполне. Можно ее взять?

– Бери.

У двери он обернулся.

– А как насчет чая... Можно прийти?

– Приходи.

– Минуть через пять.

– Давай, а я пока заварю.

Когда он вернулся, они сели за круглый стол, на котором стояли чайник и тарелка с печеньем.

– Как ты здесь оказался? – спросила Дайнека, поставив перед ним кружку с горячим чаем.

– В смысле?

– Я – про кино.

– Обычная работа. Деньги платят, и ладно.

– Ну, не скажи, – улыбнулась она. – Кино – это круто.

– Первую неделю, от силы – месяц. Потом привыкаешь.

Варенье у тебя есть?

– Забыла! – Дайнека достала из холодильника и поставила банку с вареньем на стол. – Слушай, а кого играет Полежаева?

– Любовницу пианиста. – Сергей положил в кружку варенья и облизнул пальцы. – У нее сегодня последний съемочный день на этой площадке. Скорей бы уж смылась – всем надоела.

– Характер плохой?

– Это мягко сказано... Истерит при каждом удобном случае. Костюмеров задержала. Гримерша от нее каждый день плачет. Была б моя воля, я бы ее ссанymi тряпками выгнал... – Сергей поднял глаза: – Прости... Короче – поганой метлой. Незаменимая! Да таких, как она, – полно. Мало, что ли, в стране талантливых актрис? Так нет, что ни фильм, снимают одних и тех же.

– У нее – имя, – высказалась Дайнека.

– Только имя и есть. Таланта на три копейки.

– А мне она нравится.

– Осенью снимали в белорусской деревне флешбэк⁶, – козырнув кинематографическим термином, Сергей скосил глаза на Дайнеку. – Полежаева играла юную героиню. Вот смеху-то было! Ну какая из нее девушка? Она же – старуха!

⁶ Флеш.

– А сколько ей? – поинтересовалась Дайнека.

– Сорок четыре.

– Да-а-а, – соглашаясь, протянула она. – Слушай, можешь провести меня на съемочную площадку?

– Зачем? – удивился Сергей.

– Очень хочется посмотреть.

– Думаешь, это интересно?

– Пожалуйста...

– Не знаю, попробую завтра поговорить.

– Может, сегодня?

– Сегодня уже не получится. Завтра давай. – Он посмотрел на часы. – О-о-о... Я пошел. Спасибо за чай.

– Номер моего телефона возьмешь? – с надеждой спросила Дайнека, провожая его до двери.

– Зачем? Если договорюсь, просто зайду.

– Слушай, я хотела тебя спросить...

– Ну?

– Позавчера в той квартире кто-нибудь был?

– Из наших? – спросил он.

– Из ваших.

– Исключено. Заехали только вчера. – Сергей распахнул дверь. – Ну, я пошел.

– Я буду ждать, – сказала Дайнека.

Глава 5

Карминовые цветы

Всякая простуда протекает всегда одинаково: два дня с высокой температурой, потом неделя вялого прозябания, когда лежишь, потому что нечего делать, а встаешь только оттого, что нет сил лежать.

Дайнека чувствовала, что погружается именно в этот второй период заболевания. Невесомая слабость будто удерживала ее тело чуть выше кровати. Весь день она ничего не ела. Ее жалкие сорок девять килограммов могли съехать вниз, и тогда не избежать душеспасительной беседы с отцом.

Дайнека встала с кровати, пошла на кухню к холодильнику. Там отломила кусок колбасы, взяла круглую булку и вернулась в свою комнату. Поест в два часа ночи – такая идея появлялась у нее не часто. Поставив тарелку, она села за письменный стол и вдруг услышала шаги прямо над головой.

– Неужели еще снимают... – пробормотала она, откусывая от куска колбасы и одновременно сдвигая в сторону разбросанные конспекты.

Дайнека заставила себя съесть все, что было в тарелке, и, когда встала, чтобы ее унести, снова услышала над головой голоса и шаги. Вслед за удаляющимися звуками она прошла в коридор, где-то наверху захлопнулась тяжелая дверь. Дай-

нека задержалась у дверного глазка: приникла, будто знала – сейчас что-то увидит.

Сначала на лестнице раздались шаги, потом на площадке появился мужчина, повернулся спиной, поднял правую руку, закинул голову, после чего двинулся вниз на первый этаж. Все произошло слишком быстро, Дайнека даже не запомнила, во что он был одет.

Она унесла тарелку на кухню, вернулась в свою комнату, легла в кровать и мгновенно заснула. Минут через тридцать проснулась от непонятного звука, которого не могло быть в ее спальне: свист с треском в конце, как будто зацепили и отпустили сухую звонкую ветку. После этого она мгновенно заснула, однако прежде догадалась посмотреть на часы. Было без четверти три...

Еще не рассвело, когда в дверь настойчиво позвонили. Кнопку звонка просто вдавили и больше не отпускали до тех пор, пока Дайнека дверь не открыла.

В прихожую вбежал тот самый Сергей из съемочной группы. Он бросился в кухню, однако, остановившись на полпути, вернулся в прихожую.

– Где у тебя телефон?!

– У тебя нет мобильного? – растерянно спросила она.

– Где телефон?!

Только теперь Дайнека заметила, что Сергей практически невменяем.

– Тихо... тихо... – Одной рукой она сняла трубку и про-

тянула ему, другой осторожно открыла входную дверь, готовясь выбежать на лестничную площадку.

Сергей уставился на трубку, будто не понимая, зачем она ему нужна.

– Я забыл... – вдруг прошептал он.

– Что?.. – тоже прошептала Дайнека, исподтишка продвигаясь к выходу.

– Я забыл, как звонить в милицию...

– В полицию, – для чего-то уточнила она.

– В полицию, – согласился он очень по-детски.

– А зачем тебе полиция? – ласково спросила Дайнека.

– Там, – он рукой показал наверх. – Там... убили.

– Кого? – Дайнека опешила.

– Ее. – Сергей был уверен, что говорит понятно.

– Та-а-ак. – Она взяла его за руку и двинулась на лестничную площадку.

– Ты в пижаме, – заметил он.

– Плевать, – и Дайнека потащила его на третий этаж.

Сергей шел, не сопротивляясь, но и не проявляя особенного желания идти. Когда подошли к двери, она спросила:

– Открыта?

Сергей кивнул и громко сглотнул.

– Заходим? – Не дожидаясь ответа, Дайнека вошла в чужую квартиру. – Где?

– В примерной.

– Я не знаю, где примерная.

Сергей пальцем показал на раскрытую дверь в конце коридора, где этажом ниже располагалась ее собственная спальня. Она подошла и осторожно заглянула в дверной проем. У окна стояли два туалетных столика с подсветкой, как в гримерных, рядом с ними – два стула. Дальше – шифоньер, потом тумба, потом... Дайнека вздрогнула и на мгновение прикрыла лицо руками, затем резко их отдернула.

На кровати, свалившись на бок и спустив на пол босые ноги, сидела Лидия Полежаева. На ее груди, на белоснежной кружевной комбинации карминовыми цветами расплылись кровавые пятна. От ее рук тянулись два провода, похожие на электрические. Их концы свились кольцами на ковре.

– Что это? – тихо спросила Дайнека.

Сергей прошептал:

– Провода. У нее в руках дистанционный электрошокер. Кажется, она в кого-то стреляла.

У Дайнеки перехватило дыхание. Она сдавленно вскрикнула:

– Где телефон?!

– Здесь его нет, снял хозяин. Вот мобильник... но я не знаю, как по нему вызвать полицию.

Дайнека ринулась к выходу и уже с лестницы прокричала:

– Нужно звонить в полицию!

– А я что говорил... – поплелся за ней Сергей.

Когда приехали оперативники, они оба уже успокоились, просто ждали в дверях тихоновской квартиры. На лестнич-

ной площадке стояли соседи, которые вышли на крик Дайнеки.

С нарядом прибыли криминалисты, которые немедленно приступили к работе. Следователь попросил посторонних разойтись. Дайнеку с Сергеем он пригласил в гостиную, где расположился за большим овальным столом. Сергей сказал, что пришел на работу первым и обнаружил труп Полежаевой. Больше ему рассказывать было нечего. Дайнека видела и знала не больше, чем он.

– Крюков Роман Семеныч, – представился следователь. – Проживаете в этом доме? – Он смерил Дайнеку взглядом: белая в сердечках пижама, пушистые тапочки. – Кстати, сколько вам лет?

– Почти восемнадцать...

Следователь отложил ручку в сторону и озадаченно посмотрел в протокол.

– Родители где?

– Мама в Сибири...

При этих словах Крюков с любопытством взглянул на нее.

– А папа на даче, – продолжала она.

– Тоже в Сибири? – ехидно спросил он.

Дайнека помотала головой.

– Не-е-ет, здесь, в Подмосковье.

– В общем, так, – решительно заявил следователь. – Вот моя карточка. Пусть мне позвонит твой отец, придете ко мне вместе. Тогда все расскажешь.

– Я могу рассказать сейчас. – Она забрала карточку, покрутила ее в руках и положила в нагрудный карман пижамы.

– С папой придешь – тогда и поговорим.

К следователю подошел человек в белом халате.

– Ну? – спросил Крюков.

– Смерть наступила между двумя и тремя часами ночи от огнестрельного ранения. Одна пуля в сердце, одна – в голове. Кстати, откуда у нее электрошокер?

Крюков устало провел ладонью по лицу.

– Дама была с характером, говорят, в сумке с собой его носила.

Глава 6

Съемок не будет

Никого из съемочной группы не впускали в квартиру. Все, кто пришел на работу, толпились в подъезде вместе с любопытствующими жильцами. Когда открылась дверь и вышла Дайнека, те, что стояли рядом, стали заглядывать в прихожую, кое-кто даже попытался войти, но был немедленно изгнан.

Дайнека спускалась по лестнице, раздумывая над тем, когда позвонить отцу. Сойдя на свой этаж, увидела старуху с первого.

Соседи не любили Веру Ивановну. Назидательная манера общения, строгий взгляд и непреходящее желание всех чему-нибудь учить выдавали в ней учителя с большим стажем. Она, как Спаситель, взяла на себя страдания за грехи всех живущих в подъезде. Однако и в ее шкафу были скелеты.

Когда-то в ее квартире проживала шестидесятилетняя дворничиха Марина. Простая добрая тетка, которую все звали по имени. У нее случилась закупорка вен, ей отрезали ногу и дали инвалидность. Одновременно с этой бедой случилась и вторая – к ней зачастил доктор. Вскоре стало известно, что он, тридцатилетний мужчина, женился на одноногой дворничихе. Спустя две недели ее увезли в больницу.

Там она умерла. Молодой вдовец переоформил квартиру и поселил туда свою мать – Веру Ивановну. Теперь талантливый педагог, воспитавший предприимчивого сына, «шкрябалась» в Дайнекину дверь.

– Здравствуйте, Вера Ивановна. – В силу хорошего воспитания Дайнека и с ней была вежлива.

– Здравствуй! – Учительница потрясла в воздухе бумагой. – Они и за людей-то нас не считают!

– Кто? – удивилась Дайнека.

– Киношники. Шум, гам, сквозняки. Сколько я просила: не курите в подъезде!

– Так они и не курят, – убежденно заявила Дайнека. – Я видела, они курят во дворе. – Она махнула рукой куда-то в дальнюю даль.

– Как раз под моими окнами! Сколько раз говорила: не ставьте машины к моим окнам, не ставьте!

– А куда же их ставить?

– Не знаю куда, но под мои окна не ставьте! – Вера Ивановна сунула Дайнеке листок: – Подпиши!

– Я несовершеннолетняя! – Этот аргумент она подготовила загодя.

Старуха недоверчиво уставилась на нее.

– Хотите, покажу паспорт? – Степень убежденности, с которой она говорила, зашкаливала.

– Не нужно, – Вера Ивановна свернула листок и направилась к следующей двери, однако, поразмыслив, развернулась

и стала подниматься на третий этаж. Она знала: Эльза Тимофеевна выставит ее вместе с бумагой.

Из лифта вышел Сергей.

– Сегодня съемок не будет, – сообщил он.

– Можешь посидеть у меня, – предложила Дайнека.

– Одного понять не могу. Как Полежаева оказалась в квартире? – Сергей зашел в прихожую, потом – на кухню.

Дайнека включила электрический чайник, открыла холодильник, достала кусок колбасы, взяла нож и деревянную доску. Нарезала колбасу, разложила ломтики на тарелке. Потом вынула из хлебницы батон.

– Может быть, она осталась там после съемок?

– Когда я закрывал дверь, квартира была пустой.

– Проверил?

– Все комнаты обошел.

– А если она спряталась?

– Где?.. – Сергей отломил кусок булки и взял колбасу.

Дайнека налила кипятка в его кружку.

– Когда ты проверял комнаты, в шкафы-то наверняка не заглядывал.

– Плохо ты ее знаешь. Она вся на понтах, в шкаф не полезет.

– Я вообще ее не знаю. Так, встретила случайно в подъезде... Послушай, а чемодан у нее был?

– При чем здесь чемодан? – Сергей перестал жевать и посмотрел на Дайнеку.

– Я слышала ее разговор. Этим утром она должна была улететь.

– Подожди! – он метнулся к двери и выскочил из квартиры. Когда вернулся, запыхавшись, сказал: – Есть чемодан, его нашли полицейские.

– В спальне? – спросила Дайнека.

– В гримерке, – поправил ее Сергей.

– До того, как появилась гримерка, там была спальня.

– Ты про кровать?

– Это же ясно – она на ней спала.

– Но как она попала в квартиру?

– Ее кто-то впустил или дал ей ключ.

– Но ключ находится у меня! – воскликнул Сергей. – Я открываю утром, я замыкаю дверь после окончания съемок.

– Дубликат ключа легко сделать. Ты где его взял?

– У хозяина.

– Больше ни у кого его нет?

– Ни у кого. Я не успел заказать дубликаты.

– Кому ты должен их отдать?

– Директору, режиссеру, еще – костюмерам.

– Как же Полежаева туда попала?

Сергей пожал плечами, давая понять, что у него на этот счет нет никаких соображений.

– Полиция разберется.

– А если не разберется? – Дайнека посмотрела на него строго, будто с упреком. – Во сколько вчера закончилась

съемка?

– Ровно в девять.

– В два часа ночи я слышала там шаги.

– Выходит, она пришла в два часа.

– Нет, она пришла раньше и, я думаю, не одна.

– Откуда ты знаешь?

– Видела, как он уходил.

– Кто?

– Мужчина, – у Дайнеки вытянулось лицо, и она прошептала: – Да ведь это он ее и убил.

– Подожди, давай по порядку. Ты услышала шаги...

– Сначала шаги были над моей спальней, потом направились к двери, я пошла, взглянула в глазок. На третьем этаже хлопнула дверь, и по лестнице спустился мужчина.

– Ты его видела?

– Так же, как тебя сейчас.

– Описать сможешь?

Дайнека отрицательно покачала головой.

– Нет, он отвернулся.

– Во что был одет?

– Я не запомнила, – она виновато опустила глаза. – Помню только, что он чуть задержался на лестничной площадке напротив моей квартиры. Это звучит нелепо, но мне показалось: он что-то выпил или закинул в рот.

– Помнишь, какого он роста?

– Разве через глазок разберешь...

– Следователю сказала?

– Нет.

– Почему?

– Он не стал со мной разговаривать, велел с отцом приходить.

Сергей вскочил с места.

– Тебе нужно немедленно обо всем рассказать следователю.

– Он не станет меня слушать.

– Тогда срочно звони отцу!

Дайнека взяла телефон и позвонила:

– Папа, тебе нужно приехать.

Она рассказала ему о том, что случилось.

Когда нажала отбой и положила трубку на стол, Сергей у нее спросил:

– Ну что?

– Велел сидеть дома, ждать его и никому ничего не рассказывать.

Глава 7

Правдинский дом

Дайнеку мучила совесть, потому что она соврала отцу.

Когда он спросил, кому еще она рассказала о том, что видела ночью, ответила – никому. Теперь ко всем ее неприятностям прибавились приступы внутренней дисгармонии.

Да, ей приходилось иногда привирать. Но она не считала себя патологической лгуньей. Значительная часть вранья подпадала под спасительное определение «во благо». И в самом деле: зачем папу волновать?

Прикинув, что он приедет часа через два, Дайнека решила зайти к Нине.

– Как ты? – спросила та, впуская ее в прихожую.

– Уже хорошо.

Из комнаты вышла Эльза Тимофеевна, в руках у нее было вязанье.

– Проходи, мы тут с Ниной в гостиной сидим. Слышала, что случилось у Тихонова?

Дайнека устроилась в кресле, подогнув под себя ногу.

– Его фамилия Тихонов? – Она вспомнила свое первое посещение квартиры на третьем этаже. – Я имею в виду старика.

Не отрываясь от вязанья, Эльза Тимофеевна посмотрела

на нее поверх очков.

– Тихонов Василий Иванович. Неужели ты с ним не знакома?

– Видела несколько раз.

– Я имела в виду его творчество.

Дайнека от любопытства разинула рот.

– Он артист?

– Да будет тебе... – взмахнула рукой старушка.

А Нина, не стесняясь, расхохоталась.

– Темный ты человек.

– Ну нет, ну серьезно...

Эльза Тимофеевна отложила вязанье, как будто придавая большое значение тому, что сейчас скажет:

– Василий Иванович Тихонов – классик советской литературы.

– Писатель? – на всякий случай уточнила Дайнека.

– Говорю тебе – классик. Одно время его книги были в школьной программе.

– Мы точно его не проходили, – заметила Нина.

– А я даже не слышала. – Дайнека расстроилась, почувствовав себя полной невеждой.

Эльза Тимофеевна вернулась к своим спицам.

– Это неудивительно. У вас была другая программа. Время другое.

– Бабуль, ты сама хоть одну его книгу читала? – спросила Нина.

– У него один роман только и был.

Дайнека облегченно вздохнула: значит, не так много она пропустила.

– А вы говорите – классик...

– Не только я это говорю. В советские времена про него в газетах писали, по телевизору показывали... Помню, фильм по его роману снимали. Вообще вокруг его имени много всяких слухов ходило.

– Каких? – Нина подобрала с пола клубок и придвинулась ближе.

– Говорили, что он присвоил чужой роман и выдал за свой. Плагиатором называли.

– Это доказано? – поинтересовалась Дайнека.

– Нет.

– А пробовали?

– Была одна статья в литературной газете, из-за нее потом много спорили. Дескать, такой объемный зрелый жизненный труд не мог написать двадцатилетний юнец. И действительно, в момент написания романа Тихонову было всего двадцать два.

– Может быть, он – гений, – Дайнеке очень хотелось, чтобы это было именно так.

Спицы в руках старухи застучали чуть громче.

– Гением стать нельзя, им нужно родиться. Если бы Тихонов был гением, он бы много еще чего написал... Гениального.

– Но роман-то хороший? Как называется?

– «Земная правда». Там все про колхозы. Тихонова назвали певцом русской деревни. Только в деревне он никогда не жил.

– Ух ты... – Дайнека снова спросила: – Хорошая книга?

– Хорошая.

– Что еще он написал?

– Помниться, я читала его рассказы. Так, ничего особенного.

– Разве можно стать классиком, сочинив только один роман? – Нина пересела ближе к старухе.

– Тихонов стал.

– Я даже не знала, что этот старик – писатель, – сказала Дайнека.

– Раньше о нем все в нашем доме знали. Лет сорок назад к нему в гости приезжал Фидель Кастро. Охраны во дворе было человек двадцать. Сам Фидель – во френче, молодой, высокий, красивый... – Эльза Тимофеевна снова отложила вязанье. – А знаешь ли ты, что в те времена в доме жили в основном сотрудники «Правды», самой главной газеты Советского Союза?

– Почему только они? – спросила Дайнека чуть недоверчиво.

– Раньше квартиры не покупали, их выделяли профсоюзные организации по месту работы. Заслужил – получи. Среди сотрудников газеты было много писателей, в том числе и

Василий Иванович Тихонов. Это теперь здесь живет кто попало... – Старуха посмотрела на Дайнеку и мимоходом заметила: – Тебя я в виду не имею. Вот вам, пожалуйста – убили артистку.

– Думаете, это сделал кто-то из жильцов нашего дома?

Эльза Тимофеевна улыбнулась.

– Не стоит все понимать так буквально. Я к тому, что ходят тут всякие...

– А ко мне сегодня Вера Ивановна с первого этажа приходила.

– Зачем?

– Она подписи против киношников собирает, – вмешалась Нина. – Хочет всех разогнать.

Эльза Тимофеевна развернулась к Дайнеке:

– Надеюсь, ты выставила эту гримзу за дверь?

На такое Дайнека не решилась бы никогда, проживи она хоть сто пятьдесят лет. Ответом был кивок, подразумевавший, что все так и было.

Телефонный звонок избавил ее от ненужных подробностей. Она попрощалась и быстро побежала домой.

Отец ждал ее у порога.

– Должен тебе сказать, что...

Дайнека обняла его, не дав договорить:

– Здравствуй, папочка.

Над их головами затопало несколько человек. Похоже, они перетаскивали что-то тяжелое.

– Ты не понимаешь, – Вячеслав Алексеевич отстранил дочь и поднял голову. Послушал удалявшийся топот, потом снова посмотрел на нее. – Эта история с убийством – страшное дело. Мне все рассказали.

– Ты говорил со следователем?

– Нет. Начальник безопасности нашего холдинга побывал в следственном управлении.

– Вот, – она протянула визитную карточку. – Следователь передал для тебя.

Он взял карточку и, даже не взглянув, сунул ее в карман.

– Ты ему позвонишь? – спросила Дайнека.

– Это тебя не касается. Собирай свои вещи, мы уезжаем на дачу.

– Нет.

– Что значит «нет»? – Он взял в ладони ее лицо и приподнял, чтобы лучше видеть глаза. – Что значит «нет»?!

– Папа, ты забыл, я уже не ребенок.

Вячеслав Алексеевич уронил руки и прошел от двери через всю квартиру к окну.

– Папа! – Дайнека побежала за ним.

– Прости, я действительно это забыл.

– Ну, объясни, пожалуйста, почему? Почему я должна бежать из собственного дома?

Он повернулся к ней, и ее удивило, каким бледным стало его лицо.

– Сейчас ты должна рассказать мне все очень подробно.

Все, что связано или может быть связано с этим убийством. Каждую мелочь. Все, что происходило с тобой в эти дни.

И Дайнека рассказала ему все. Или почти все, включая историю с золотистым «Бентли» и громкими голосами в квартире Тихонова.

Отец спросил:

– Ты можешь мне пообещать никому ничего не рассказывать?

– О том, что видела ночью?

– Обо всем. Тебе нужно забыть обо всем.

– А как же следователь? Ты должен ему сказать...

– Я никому ничего не должен, и ты не должна.

– Но как же...

– Тебя не беспокоят, я смогу договориться.

– А если это поможет найти убийцу?

– Они его найдут и без твоей помощи. Пойми, ты еще маленькая, слабая, ты уязвима. Повторяю: ты никому ничего не должна. Поняла? – Он стиснул ее плечи и с силой потряхнул. – Поняла?!

– Не кричи.

– Буду кричать. И если ты не обещаешь мне держать язык за зубами и не совать нос в чужие дела, я силой заберу тебя и где-нибудь спрячу.

Дайнека подняла глаза, полные слез:

– Она так же сказала – не совать нос в чужие дела.

– Кто она?

Теперь перед ней стоял выбор: рассказывать про гадалку или оставить этот факт своей биографии для личного пользования. Пришлось снова соврать:

– Нина.

– Что ты ей сказала?

– Ничего. – И здесь она была кристально чиста.

– Поклянись.

– Клянусь.

– Поклянись, что никогда никому ничего не расскажешь.

– Клянусь. – Такое заявление было чистейшей правдой: ведь речь шла не о том, что она уже все выложила Сергею, а о том, что больше никому ничего не расскажет.

Глава 8

Флешбэк № 2

Деревня Чистовитое
июль – ноябрь 1943 года

Горбатого Митю Ренкса схоронили на следующий день. Из района на коне прискакал следователь, зашел в баню посмотреть, где Митю убили, потом перешел в избу, спросил молока и сел писать протокол. Ренксиха подала крынку, встала в дверях, да так и осталась, пока тот не ушел.

За все лето никто больше в Чистовитое не приехал. В милицию никого не позвали. Председатель сам несколько раз ездил в район на телеге, а как снег выпал – в кошевочке⁷, только никаких вестей не привез. Да их и не ждали. Митю-то не вернешь...

Хлеб успели убрать вовремя. Слава богу, под снег не лег. Жали его вручную серпами. Вязали в снопы и, как поле закончат, собирали и ставили в кучки по десять штук. В поле почти не ели, из дома брали молока да картошек. Работали от темна до темна.

К осени хлеб свезли в кучу на ток. Там молотили – раскладывали по земле и били цепами. Веять возили в амбары.

⁷ Кошевка – сани с закругленными дугами.

Солому скидали в большой длинный зарод⁸, а зерно ссыпали в мешки и увезли на станцию в Камарчагу – сдавать на войну.

Только закончили, председатель выдал колхозникам по полпуда ломаных зерен вперемишку с отрубями и черным жабреем⁹. Жабрей-то, сколько его ни поли, все равно на поле остался.

Обмолотки¹⁰ решили справлять в конторе, потому что она больше клуба и стоит на горе. Туда стащили лавки, стулья, столы. Расставили вдоль стен в самой большой комнате. Столы вымыли да поскоблили ножами.

Угощение на гулянку варили в ближних домах. Колхоз выделил двух овечек, муки, сметаны и меду, из которого навели медовухи.

Самогон гнали в кустовской бане. Кустиха, Манькина све-кровь, загодя наварила колхозной картошки (мешка полтора на бочку), натолкла и залила кипяченой водой. Наделала из хмеля дрожжей, вылила в бочку, прикрыла холстиной и велела Маньке стеречь брагу. Поднимет Манька холстину, ей по носу хмельным духом: бух! Она и побежит за сарай, чтобы никто не видел, выблюет все, что съела. Совсем исхудала – кожа да кости.

С мужем Петрушей они поладили сразу, хотя и спали в

⁸ Зарод – скирда.

⁹ Жабрей – сорняк на полях.

¹⁰ Обмолотки – праздник, посвященный окончанию сбора урожая.

разных углах. Не знал убогий, что делать с женой. Хоть и учила его мать, да все без толку.

Фуфайку Манька надела еще в августе, и сколько над ней ни смеялись, на людях не снимала. Дома при зажженной лучине старалась не попадаться Кустихе на глаза. Ночью со страхом щупала растущий живот. Успокаивала себя тем, что хотя бы до утра не надо бояться. Ребеночек дрыгал ножками, ворочался, отчего живот бродил как опара.

Брага в бочке гуляла пять дней. На шестой Кустиха приказала Маньке черпать ведром и таскать ее в баню, где приготовили аппарат.

Первое ведро она зачерпнула полным-полное. Ребеночек в животе забился будто от страха. Дальше носила по половинке. Кустиха сидела в бане с крышкой от бочки и наметанной глиной, чтобы закрыть котел и замазать все щели.

– Шибче носи, полоротая! – ругалась она, заглядывая в ведро. – Полнее черпай!

За день выгнали всю брагу. С одной бочки вышло шесть четвертей самогонки.

Как стемнело, зажгли лучину. Нинка, младшая сестра Петруши, слезла с печи, да юбкой зацепилась за самовар. Манька подхватила ее, а Кустиха так и жажнула поленом куда попало.

– Чтоб три дня ходила горбатая!

Весь вечер Нинка ластилась к Маньке. Села рядом на лавку и положила вшивую голову ей на колени.

– Поищи, Манечка... – попросила.

Петруша ходил веселый и, разинув слюнявый рот, «пукал» во всех пальцем, будто бы из ружья. Обмолоток он ждал целый год, там работать не надо: пей да гуляй.

Поздно вечером к Маньке забежала Вера Ехременкова. В сених распахнула тулуп, под которым переливалось шелковое зеленое платье, по вырезу сердечком шли мелкие пуговицы.

– Мать на станции выменяла у городской.

От такой невиданной красоты у Маньки забухало сердце. Обтерев юбкой руки, она тронула блестящую ткань, а потом тихонько погладила.

Веркина мать работала кладовщицей в амбаре. Еда в их доме была всегда. От такой благодати и Манечке иногда перепадало. Зимой, когда Верке случалось украсть у матери ключ, они пробирались в колхозный амбар и долотом колупали во флягах замерзший мед. Складывали медовые куски в совок и в нем относили на стайку¹¹, чтобы зарыть в сено. Такой совок съедали вдвоем за три дня, а потом ждали, когда подвернется еще случай.

– Я сегодня в Лысогорку бегала за известкой. – Верка потопталась на месте. – Глянь, чего выменяла в магазине на соленые грузди.

Она выставила голую ногу в черной галоше. По бокам вдоль ступни проглядывало алое мягонькое нутро.

¹¹ Стайка – здесь сарай.

Манька села на корточки и прикоснулась к блестящему чуду, потом подняла глаза на конопатое Веркино лицо.

– Обмолотки справлять в них пойдешь? – Она встала и запахнула фуфайку. – Петруша четвертя с самогонкой в контору уже свез. За ним председатель в кошевочке приезжал.

– А ты? – спросила подруга.

– Я не пойду, Вера, – сказала Манька и туже запахнула фуфайку.

Ехременкова посмотрела на ее живот.

– Да не видно еще ничего...

– Правда?

Маньке хотелось пойти на гулянку, но кроме фуфайки, юбки и ситцевой кофты у нее ничего не было.

– Под фуфаечкой не видать, – сказала Вера. – В ней и пойдди.

* * *

Ночью Кустиху разбудила младшая дочь.

– Мамань...

– Чего тебе?

– Мамань, а чего это у Маньки живот прыгает? Я нынче голову на коленки ей положила вшей поискать, а мне по голове прямо тук да тук...

Кустиха вскочила с кровати и схватила дочь за грудки.

– Бреешь!

– Прямо по голове, – Нинка хлопнула себя по макушке. –
Вот сюда, тук да тук.

Глава 9

Земная правда

Иногда правильные поступки совершаются не потому, что так хочется, а потому, что больше нечего делать. Конечно, Дайнека могла бы часами пялиться в телевизор или залезть в Интернет... К слову сказать, в Интернете она все-таки посидела. Разыскивая роман Тихонова «Земная правда», встретила упоминания, но текста романа нигде не было. В тот момент у нее созрела идея, за которую родители и учителя обычно хвалят детей: Дайнека решила пойти в библиотеку.

Конечно, она пообещала отцу не совать нос в чужие дела. Но если здраво рассудить, разве в посещении библиотеки есть какой-нибудь криминал? Любой человек вправе читать то, что ему хочется. И если представить себе, что автор романа вовсе не сосед этого самого человека, а просто писатель, все выглядело очень невинно. Так или почти так рассуждала Дайнека, собираясь в библиотеку.

В подъезде навстречу ей попала Вера Ивановна. Теперь в ее руках была папка. Как видно, протест крепчал день ото дня.

— Хорошо, что встретились, — она стала распутывать веревочные завязки. — Надо подписать документ.

— Я же сказала, мне еще нет восемнадцати.

Вера Ивановна тут же нашлась:

– Когда приедет отец?

– Не скоро, – столь же молниеносно сориентировалась Дайнека.

– Скажи ему, как приедет, чтобы зашел ко мне.

– Скажу, – соврала она.

С первого этажа потянуло холодом. Дверь хлопнула, но сквозняк продолжал гулять. Снизу донеслись звуки шагов.

– Опять дверь камнем подперли?! – закричала Вера Ивановна.

Шаги ненадолго смолкли, потом зазвучали снова, только немного медленней и осторожней. Из-за лифтовой шахты высунулась лысая голова и блеснули стекла очков.

– Здравствуйте, Алексей Петрович, – Дайнека поздоровалась с директором съемочной группы.

– Опять дверь камнем подперли?! – на тон выше повторила старуха.

– Поймите... – проникновенно заговорил Родионов. – В съемочной группе порядка сорока человек. У них нет магнитных ключей, но они должны попасть на работу, иметь доступ к светобазе. Основная грим-уборная у нас – в автобусе. Как, по-вашему, актеры будут сниматься?

– Нас это не волнует! Будьте любезны, закажите ключи!

– Закажем, – умиротворяюще сказал Алексей Петрович. – Не все же разом делается.

– Вы и за людей-то нас не считаете... – завела свое Вера

Ивановна.

– Зачем же так категорично. Мы с большим уважением относимся ко всем жильцам вашего дома.

– Если бы с уважением, не курили бы на площадках!

– Мы не курим. Если кого-то заметите с сигаретой, немедленно сообщите мне. Нарушителя оштрафуем.

– Так ведь и под окнами курят!

– На улице дымить запретить не могу.

– Что значит не можете! Форточку не открыть. Дым клубами валит. Я уже сообщила нашему участковому. Пусть посмотрит запись видеонаблюдения. Шастают туда и сюда, никакого покою!

– Не получится.

– Почему? – удивилась Вера Ивановна.

– Следователь сказал, что камеру отключили.

– Не может быть!

– В управляющей компании договор не подписан, соответственно, оплата не перечислена. Простите, как вас по имени-отчеству? – Алексей Петрович деликатно взялся за ее локоток.

– Меня зовут Вера Ивановна. Я всю жизнь проработала учителем и не потерплю таких издевательств. Я – заслуженный человек, пенсионерка с двадцатидвухлетним стажем. Воспитала прекрасного сына...

– Прошу прощения... – Родионов между делом посмотрел на часы. – Сейчас мне нужно идти. Но если желаете, я

загляну к вам попозже. В какой квартире вы проживаете?

– Зачем это вам? – В глазах Веры Ивановны сверкнул огонек подозрительности.

– Я же сказал, зайду поговорить... – Он стукнул себя ладонью по лбу. – Простите, не сообразил. Ведь на первом этаже только одна квартира.

– Меня дома не будет, я ухожу.

– Вы даже не спросили, в каком часу я приду, – с упреком в голосе заметил Алексей Петрович, размашисто, локтем вверх, поднял руку и поправил очки.

– Меня не будет весь день, – срезала его Вера Ивановна.

– Ну, хорошо, придется нам с вами побеседовать в другой раз, – сказал Родионов и отправился на третий этаж.

* * *

Библиотека располагалась в первом этаже соседнего дома. Дайнека отдала куртку старушке-гардеробщице и, не задержавшись у ящиков с картотекой, прошла в абонементный зал. Из-за деревянной конторки выглядывала кудрявая седая головка. Дайнека протянула читательский билет, сохранившийся со школьных времен.

– Здравствуйте... Мне нужен роман Тихонова «Земная правда».

Старушка подняла глаза и улыбнулась сморщенным личиком.

– Девочка, его давно исключили из школьной программы.

– Я знаю. Мне хочется почитать просто так.

Старушка смотрела на нее широко открытыми глазами.

– Для души, – добавила Дайнека, чтобы соответствовать произведенному впечатлению.

Библиотекарша раскрыла читательский билет. В нем была только одна запись трехлетней давности...

Пока искали роман, Дайнека прошлась вдоль стеллажей, на которых торчали картонные таблички с надписями: философия, история, психология... Возникло неизбежное ощущение, что вся эта библиотека, нашпигованная столетними старушками, выглядит бессмысленно и убого в сравнении с бескрайними просторами Интернета, где можно отыскать все, что угодно. Эксклюзивными здесь были только анахронизмы советской эпохи вроде эпического романа Василия Ивановича Тихонова.

– Людмила Вячеславовна, будьте любезны... – раздался старушечий голос.

На конторке лежал коричневый томик.

– Это он? – спросила Дайнека.

Библиотекарша вынула формуляр и протянула ей ручку.

– Здесь распишитесь, – она зажала пальцами свободные поля слева и справа от прямоугольника с галочкой.

Дайнека не поняла для чего и удивленно округлила глаза. Старушка ей объяснила:

– Нужно расписаться в строго обозначенном месте, не за-

ступая на соседние поля, потому что слева я поставлю дату выдачи, а справа отметку о возврате. Но это позднее. Знаете, некоторые очень размашисто расписываются, а нужно экономно, чтобы все вместилось.

– Ага... – Дайнека расписалась убористым почерком.

Старушка поставила дату и предупредила ее строгим голосом:

– Ровно через месяц вам необходимо вернуть книгу. Если не успеете – зайдите или позвоните, продлим еще на один срок. – И напредила: – Читательский билет не забудьте...

Древняя гардеробщица выдала куртку. Дайнека вышла в тамбур и, не сдержавшись, уселась на банкетку, которая неизвестно для чего стояла в углу у дверей. Открыла книгу, положила ее на колени.

– Василий Тихонов «Земная правда».

Перелистнула страницу и стала читать с первой строчки. «Дождя не было с самой весны.

Трава поднялась хилая даже в чистых лощинах, где косили для колхозных коров. В лесных покосах для домашней скотины – еще хуже. Косили и грабили только бабы. Мальчишки на можарах свозили траву к силосной яме, в которой топтались тощие девки. Трава набивалась медленно, потому что даже самая здоровая баба не выкосит столько, сколько наработает хлипкий мужик».

Глава 10

Дата ее смерти

Сергей стоял на пороге ее квартиры в строгом темно-синем костюме, белой рубашке и в ярком галстуке.

– Собирайся, минут через сорок зайду, вместе пойдем на площадку. С режиссером я договорился.

– А прямо сейчас нельзя?

– Нет. Сейчас – сцена с ребенком, все очень нервные.

Дайнека наконец восхитилась:

– Ты, ну прям... пипец, какой элегантный!

Сергей оглядел себя.

– Так... Ничего особенного... Короче, будь готова, скоро зайду. Кстати, – он пристально смотрел куда-то в гостиную.

Она оглянулась.

– Что?

– У тебя случайно нет радиолы?

– А что это?

– Ну, это такая штука... Как бы тебе объяснить. – Подыскивая слова, он взялся за выбритый подбородок. – В общем, это такой радиоприемник с проигрывателем для пластинок, только старый.

– У меня точно нет. Если хочешь, спрошу у Эльзы Тимофеевны.

– Кто это?

– Соседка.

– Старуха? – не слишком любезно спросил он.

– Эта старуха – какая надо старуха.

– Тогда давай, но когда я уйду.

И как только Сергей поднялся наверх, Дайнека постучалась к Эльзе Тимофеевне. Дверь не открыли, такое бывало и раньше. Решив зайти позже, Дайнека услышала, что в ее прихожей звонит телефон. Вернулась домой, сняла трубку:

– Слушаю...

– Здравствуй, Людмила, у тебя все в порядке? – Отец звонил по городскому только потому, что хотел знать, где она.

– Лучше не бывает. А как у тебя?

Он уловил в ее вопросе иронию и сухо заметил:

– Не обо мне речь. Ты знаешь, что я имею в виду.

– Говорю тебе, все в порядке. Сажу дома, ни во что не встречаю, смотрю телевизор.

– Что именно?

Дайнека замешкалась.

– Этот... ну, этот самый канал...

– Вот видишь... Чувствую, ты что-то затеяла. Скажи, как мне до тебя достучаться?

– Очень просто, – отшутилась она. – Прийти – и кулаком по двери жакнуть.

– Хочешь до инфаркта меня довести?

– А вот это – запрещенный прием. Ты сам говорил: пугать

своих близких болезнями – низость.

– А что еще мне остается?

В его голосе прозвучала такая боль, что Дайнека струхнула:

– У тебя правда сердце болит?

– Душа... – грустно сказал отец. – Душа у меня болит за тебя.

Прочувствовав серьезность его слов, она изменила тон:

– Я правда сижу дома. – Вспомнив, что собралась на съёмочную площадку, Дайнека добавила: – Обещаю, что даже из подъезда не выйду.

– Эльза Тимофеевна тебя навещала?

– Я сама была у нее.

– Бывай там почаще. Мне так спокойней будет.

– Папа, ты уверен, что мне не стоит идти к следователю?

– Уверен! – Вячеслав Алексеевич резко оборвал дочь. – Я тебе велел забыть обо всем. Тем более не говорить об этом по телефону.

– Ясно, – обескураженно пролепетала Дайнека.

– Ну, если ясно, то на этом – все. И помни, ты мне обещала. – Отец положил трубку.

Что за мука, когда нечем заняться. Дайнека обошла по очереди все пять комнат, заглянула на кухню, вернулась в гостиную. Там села в кресло перед компьютером. Забила в строку поисковика: «Аромат алой розы» – название сериала. Будто напоминая о нем, над головой что-то ухнуло, потом

заплакал ребенок и кто-то быстро прошел. Она прислушалась, глядя на потолок, но уже все стихло.

Снова посмотрела на монитор. Первая строка, которую она увидела, вызвала интерес. Это было объявление о приеме на работу режиссера по монтажу:

«Срочно требуется режиссер монтажа на сериал «Аромат алой розы» (мелодрама, история любви, 80-е годы). Монтаж простой, киношный, ничего клипового, никаких модных фишек и штучек. Единственный возможный переход между планами – склейка. На общем плане вошли герои, сели на стулья, беседуют. Он сказал, она ответила, и так постоянно. Почаще брать крупные планы, никаких общих, типа улица или дом. Вся соль – в актерской игре. Никаких погонь, перестрелок, драк и убийств».

Дайнека снова посмотрела на потолок.

– А здесь вы не правы... Одна смерть все же была.

Она встала, прошла к дивану и легла, натянув на себя плед. Закрыла глаза и стала перебирать в уме воспоминания, факты и то, о чем ей рассказали. Все, что касается убийства.

Лидия Полежаева умерла в два или в три часа ночи, как раз в это время по квартире Тихонова кто-то ходил. Дайнека еще подумала, что ночью тоже снимают. Потом оттуда вышел тот, кого она видела на лестничной площадке в глазок. Он ушел, а мертвая Полежаева осталась лежать в гримерке с дистанционным электрошокером, от которого тянулись тонкие проводки. Она стреляла и, может быть, попала в убийцу.

«Нет, — решила Дайнека. — Он точно не из съемочной группы. С какой стати актриса бы стала стрелять в знакомого человека».

Она встала и пошла к монитору. Набрала на клавиатуре фамилию «Полежаева». Среди результатов выбрала статью Википедии и, когда открыла страницу, увидела, что рядом с датой рождения Лидии Полежаевой уже стоит дата ее смерти. Вот так... Позавчера был человек, сегодня его нет. И весь мир об этом уже знает.

Заглянула в раздел «Семейное положение»:

«Замужем, воспитывает двоих детей».

Эх, если бы вернуться в ту ночь, она бы постаралась все разглядеть. В крайнем случае, побежала бы за убийцей, ведь он наверняка уехал в машине. Номер бы записала.

Дайнека посмотрела в окно, скользнула взглядом по противоположному фасаду дома-колодца. На балконе четвертого этажа в кресле-каталке сидела давешняя старуха, только теперь она была закутана в одеяло.

Видно, сильно похолодало.

Через двор со стороны арки двое рабочих несли ламповый телевизор. Еще один тащил торшер, прикрученный к тумбочке. Торшер был похож на тюльпан. Дайнека вспомнила, что пообещала Сергею узнать насчет радиолы. Она вышла на лестничную площадку и позвонила в соседнюю дверь. На этот раз Эльза Тимофеевна открыла.

— Здравствуйте, у вас есть радиола?

В отличие от Дайнеки, старуха сразу поняла, о чем идет речь.

– Конечно, есть, ты же сама ее видела в моей комнате.

– Старый ящик на ножках?

– Не ящик, а прекрасная радиола «Ригонда».

– Ко мне приходили из съемочной группы, им как раз такая нужна в качестве реквизита.

– Моя «Ригонда» в полном порядке. Если захотят, могут даже послушать.

– Значит, дадите им ненадолго?

– С большим удовольствием.

– Спасибо!

С лестничного марша донесся топот мужских ног и сопение. Это рабочие тащили наверх телевизор и торшер в виде тюльпана. Следом с инспекторским видом шагала Вера Ивановна.

Завидев ее, Эльза Тимофеевна надменно прищурилась.

– Куда это вы направились, дорогая?

– В квартиру Тихонова. Пора заканчивать с этим безобразием! Я наведу здесь порядок...

Эльза Тимофеевна ее прервала:

– Угломонитесь вы, наконец!

Вера Ивановна резко остановилась:

– Не нужно вставлять в мой диалог ваши слова!

Эльза Тимофеевна закатила глаза и трагически прошептала:

– И эта женщина в школе преподавала русский язык.

Глава 11

Мотор! Начали! Съёмка!

Сергей втащил радиолу в лифт, и, когда двери за ним закрылись, Дайнека стала подниматься по лестнице на третий этаж. Там они встретились.

– Что теперь? – спросила она.

– Тихо... – Сергей подошел к двери, прислушался и тут же вернулся. Сказал шепотом:

– Ждем.

– Чего? – так же шепотом спросила она.

– Когда скомандуют – «снято».

– А-а-а-а...

Они постояли немного. Наконец Дайнека не выдержала и спросила чуть слышно:

– Кто теперь будет доигрывать роль Полежаевой?

– Сценарий переделали. Героиня Полежаевой сбежала с любовником.

– Быстро... – Она вздохнула. – Вот так, был человек и нету.

– Сериал нужно снимать.

– Кто ж спорит. – Дайнека заинтересованно придвинулась: – Можешь показать мне ключ?

– В смысле?

– Ключ от квартиры.

– Вот, – Сергей достал из кармана большой длинный стержень, на конце которого крыльями распластались металлические зубы.

– Дверь в то утро была закрыта?

– Да, на два оборота.

Дайнека закусила губу. Немного подумав, тихо заметила:

– Значит, ее закрыли снаружи.

Сергей усмехнулся.

– Не думаю, что Полежаева сама замкнула дверь за убийцей.

– Как цинично...

Из квартиры донеслось:

– Снято!

Сергей распахнул дверь, поднял радиолу Эльзы Тимофеевны и втащил ее в прихожую. Дайнека вошла вслед за ним. Теперь она могла внимательно рассмотреть съемочную площадку.

В квартире находилось не менее сорока человек, и было сложно понять, кто из них кто. Многие стояли по стенкам, оставив посреди прихожей свободное место. Казалось, все собрались в ожидании какого-то праздника.

– Иди за мной, – велел ей Сергей.

Они прошли мимо аппаратуры, похожей на пульт ракетной установки средних размеров: два монитора, на одном из них написано «Леша», на другом – «Константин». Рядом –

звукозаписывающий комплекс. В креслах – двое мужчин.

– Это – Михаил Потопаев, наш режиссер. – Сергей вернулся к Дайнеке и представил ее: – А это – соседка с нижнего этажа, очень помогает нам с реквизитом.

Режиссер одобрительно улыбнулся.

– Дайнека, – она пожала протянутую руку, одновременно разглядывая мужчину. – Никогда не видела живых режиссеров!

Михаилу было лет сорок пять. Бритая голова, крепкие плечи, невыразительное лицо сельского мужика. В ответ на ее заявление он рассмеялся.

– Наш звукорежиссер Максим, – Сергей тронул за руку высокого парня в наушниках. Тот не обратил на них никакого внимания.

– А где будут снимать? – спросила Дайнека.

– В гостиной, – ответил Сергей. – Туда во время съемки соваться нельзя. Нужно пристроиться в коридоре и замереть.

– Пока не снимают, можно я загляну?

– Пусть посмотрит, – разрешил Михаил.

Дайнека прошла в комнату. У окна уже разместили телевизор, который сегодня притащили рабочие. Только теперь по центру экрана стоял белый крест, а по краям – белые уголки. Наверное, при монтаже туда вставят какую-нибудь телевизионную картинку родом из прошлого.

По комнате сновало много людей, и невозможно было понять, у кого какие обязанности. Сами они, конечно, об этом

знали. Осветитель залез на стремянку, вытащил из софита синюю пленку и вместо нее сунул оранжевую. Освещение поменялось, сделалось мягким и приятным для глаз. Еще один парень держал в руках длинную штангу, с которой свисал микрофон.

На стенах висели фотографии каких-то людей. Одного из них Дайнека тут же увидела: симпатичный такой пацан, темненький. В его волосах серебрились седые пряди, вокруг глаз темнели коричневые круги.

«Значит, роль возрастная, – подумала она и усмехнулась. – Какой из него старик, он же щегол лет двадцати».

Актеров среди технического персонала можно было выделить без труда. Один, пожилой, с очень знакомым лицом, как видно, играл профессора. О нем говорил Родионов. Дайнеке показалось, что она знает его, во всяком случае видела в каком-то кино. К тому же он сильно смахивал на того, что моложе.

«Ага, – сообразила она. – Молодой играет роль пианиста, сына профессора».

Все было именно так, как рассказывал Родионов.

И тот и другой отличались какой-то особенной худобой и поджаростью. У обоих были маленькие головки и мелкие лица.

«Если именно таких снимают в кино, наверное, в этом что-то есть, – подумала Дайнека. – Получается, чтобы сниматься, нужно иметь худую фигуру, голову с кулачок и ма-

ленькое детское личико».

В этот момент кто-то крикнул:

– Внимание!

Дайнека кинулась в коридор и тут же вцепилась в стену между режиссерским пультом и туалетом. Из туалета донесся звук смывного бачка.

– Эй, вы там, в туалете! Снимаем!

Все стихло. Присутствующих, как и ее, мгновенно разметало по стенам. Пианист застыл у дверей, ведущих в гостиную. Он потрогал рукой живот и сказал режиссеру:

– Что-то у меня кишечник урчит. Если будет слышно, командуйте – стоп.

Дайнека вспомнила, что выпила молока. Теперь у нее точно забурчит в животе. Она задержала дыхание и для концентрации на своих ощущениях прикрыла глаза.

Звукорежиссер сложил коробочкой руки, поднес их ко рту и крикнул:

– Тихо!

– Мотор! Начали! Съемка! – громко объявил Михаил.

Выдержав паузу, он выразительно махнул рукой пианисту, после чего тот вошел в гостиную, где уже началась съемка.

Дайнека покосилась на монитор. Пианист остановился рядом с отцом. Из комнаты чуть слышно журчали голоса главных героев. Ей удалось расслышать лишь то, что пианист подарил отцу альбом с какими-то марками, и тот сильно обрадовался. Избитые фразы резали ухо. Старик сказал, что дочь

пианиста скоро вырастет и «упорхнет из гнезда», а его (пианиста) поезд проходит мимо «полустанка» по имени Мадлен. Они говорили так, как могли говорить тысячи людей. Отличить старого от молодого у нее не получалось.

Дайнека подумала про мелкого пианиста.

«А парень-то совсем без характера, совершенно бесплотный. Какая там ему Мадлен...»

– Стоп! Снято! – Режиссер сдвинул наушники. – Теперь снимаем портреты. Крупный план одинаковый. По плечи. – Закинув голову, он закричал в потолок: – Костя! Попробуй съехать на марки!

Дайнека почувствовала себя знатоком съемочного процесса. Она поняла, что приказ был отдан оператору, который с крупного плана актеров должен плавно перейти на альбом с марками.

«В общем, – мысленно резюмировала она, – никаких фокусов в этом сериале точно не будет».

– Тихо!

– Мотор! Начали! Съемка!

Актеры снова произнесли свой текст. Дочь еще раз собралась упорхнуть из гнезда, поезд с пианистом проехал мимо полустанка Мадлен.

– Стоп! Снято!

Воспользовавшись моментом, какая-то женщина рядом с Дайнекой заговорила по телефону:

– Она должна выйти в длинной зеленой юбке, черная сум-

ка, босоножки с ремешками... А кофточка с камушком на груди.

«Костюмер», – догадалась Дайнека.

– Репетируем следующий эпизод! – выкрикнул Михаил Потопаев, взял с пульта потрепанную брошюрку и направился в комнату.

Откуда-то появилась девушка-актрисулечка. Очень хорошенькая, а вот ножки у нее оказались как бутылки. На ней было вышедшее из моды платье с цельнокроеным рукавом и горловиной, собранной на узенький рулик. Смешное-пре-смешное платьице, да еще эти ножки бутылочками...

Дайнека отправилась следом за ней и заглянула в гостиную. За большим овальным столом уже сидели режиссер, профессор и пианист. Туда же прошла актрисулечка. Она прочитала:

– Папа! Как здорово, что ты дома! У меня к тебе дело на миллион долларов!

Папой был пианист. Он спросил:

– Прямо на миллион?

Их прервал режиссер:

– Стоп. Лучше скажи: «Так уж и на миллион».

– Так уж и на миллион? – повторил за ним пианист.

– Я насчет конкурса. Нужно внести в список участников одного человека. – Актриса выставила перед собой фотографию смазливового парня.

– По блату? – грозно спросил профессор.

– Нет-нет-нет... Не пойдет. – Пианист недовольно поморщился. – Теперь так не говорят.

– Раньше так говорили, в 80-х, – сказал режиссер. – Оставляем.

– Он сирота, – вставила актрисулечка.

Пианист прочитал по бумажке:

– Но ведь списки уже... – он прервался, поколупал сценарий ногтем, – составлены.

– Папа! Он мне так напоминает тебя! Я думаю, он – гений! – Чувствовалось, что по роли актрисулечка влюблена. Не дождавшись ответа, она обрадовалась: – Я немедленно сообщу ему телеграфом!

– Нет, – встрял дед профессор, – давайте скажем так: я немедленно пошлю ему телеграмму.

Режиссер кивнул, и девушка согласилась:

– Я немедленно пошлю ему телеграмму!

Дайнека стояла у косяка и слушала, как актеры и режиссер курочат чей-то сценарий. Ей очень это не понравилось.

«Штамп на штампе. Живого языка близко нет».

За спиной прозвучал голос Сергея:

– Могу провести экскурсию.

Она обернулась.

– По квартире?

– Гостиную ты посмотрела, идем в костюмерную.

Костюмерную развернули в комнате, которая располагалась над спальней ее отца. Там разместили ящики с реквизи-

том и двухъярусные вешалки с разной одеждой. Оттуда они перешли в «комнату профессора», здесь уже стояла «Ригонда» Эльзы Тимофеевны. Еще одну комнату директор отвел под склад.

— Ну, — Сергей помолчал. — А в гримерке ты уже побывала, когда нашли Полежаеву.

— А больше туда нельзя?

— Почему же...

Они прошли в дальний конец коридора, вошли в комнату. Как и в прошлый раз, у окна стояли два туалетных столика с лампочками.

— Это переносная гримерка. Что-то поправить, припудриться, подчесать. Основная грим-уборная в автобусе, что стоит во дворе сразу за светобазой.

Дайнека прошла к кровати и осторожно села на то место, где еще недавно лежала мертвая Полежаева.

Сергей внимательно на нее посмотрел.

— Что такое светобаза? — Дайнека спросила не потому, что хотела это знать, а только для того, чтобы он не смотрел на нее так.

— Крытый грузовик, похожий на компактную фуру. Внутри — генератор.

— А для чего генератор? — Между делом она методично осматривала стены, шкаф, тумбочку, стоящее рядом с кроватью кресло.

— На случай, если понадобится дополнительное освеще-

ние на улице или в подъезде.

– Сергей! – В комнату заглянул режиссер. – Срочно!

Тот рванулся из комнаты, минут десять его не было. Когда вернулся, в дверях встретил Дайнеку.

– Ты куда?

– Домой.

Он отступил, пропуская ее к выходу.

– Что-то не так?

– Все хорошо.

– Тогда почему? То ты просилась на съемки, а теперь убегаешь.

Они вышли на лестничную площадку. Здесь было светлей, и Сергей заметил, что у Дайнеки блестят глаза.

– Послушай, ты чего-то недоговариваешь, – сказал он.

Она взяла его за рукав и стала спускаться по лестнице. На втором этаже втощила Сергея в прихожую, захлопнула дверь. Включила свет, вынула из кармана ключ и показала ему.

– Что это? – спросил Сергей.

– Еще один ключ от квартиры, где застрелили Лидию Полежаеву. Номер два.

Глава 12

Ключ номер два

– Откуда он у тебя?

– Нашла в глубине кресла, между сиденьем и спинкой.

– Я сразу понял, что здесь что-то не так. Нормальный человек никогда не сядет на место, где недавно лежал покойник.

– Для дела – сядет, – возразила Дайнека. – Давай-ка, на всякий случай, сравним.

Сергей достал свой ключ и приложил к тому, что нашла Дайнека. Она резюмировала:

– Как две капли воды. – И заметила: – Теперь все меняется.

– Что именно? – удивился Сергей.

– Версия.

– А у тебя была версия?

– Была, я же не безголовая. – В словах Дайнеки сквозила обида.

– Я этого не говорил.

– Но в виду имел. – Ее губы сделались тоненькими, как у злюки, но ненадолго. – Полежаева не спать пришла в эту квартиру. Она пришла, чтобы встретиться с мужчиной.

Сергей недоуменно смотрел в дальний угол прихожей, как

будто пытался там отыскать утерянный здравый смысл.

– Ну... а дальше-то что?

– Любовник отдал ей ключ, чтобы она ждала его в гримерной. А сам сделал еще один.

– Зачем? Она же могла сама открыть и впустить его внутрь.

– В этом все дело! – Дайнека вошла в раж, не замечая критического настроения Сергея. – Он знал, что убьет ее. И когда она задремала, прокрался, убил и ушел.

– А тот ключ, что был у нее?

– Его он, скорей всего, не нашел.

– Не понимаю, как ты смогла его найти.

– Я – другое дело. Думаешь, мне не страшно было садиться на кровать, где лежал труп актрисы? Еще как страшно. А я все равно села, потому что хотела понять, куда она спрятала ключ. Пойми, если она ждала ночью мужчину и должна была быстро открыть дверь, она бы не убрала ключ далеко, например в сумку. Она бы оставила его на расстоянии вытянутой руки. А на расстоянии вытянутой руки – только кресло. Сиденье у него гладенькое, сатиновое, поверхность округлая... Я будто увидела, как ключ заскользил по ткани и завалился в складку между ним и спинкой.

Взгляд Сергея, наконец, оторвался от угла. Взмахнув рукой, он будто отогнал от себя все, что наговорила Дайнека.

– Все было проще. Она решила заночевать здесь перед вылетом. Отсюда близко железнодорожный вокзал. Оттуда

идет аэроэкспресс. Полчаса – и она в аэропорту. Ей просто не повезло – ночью в дом залез грабитель.

– И ничего не забрал, – заметила Дайнека не без сарказма. – Ничего не взял, но тетку, на всякий случай, пришил. Молодец. Пятерка тебе по дедукции.

– Но ведь она в кого-то же стреляла из своего дистанционного электрошокера? И уж точно не в своего мужика.

– Если сосредоточишься, то сможешь себе это представить.

– Ну, – нехотя согласился Сергей.

– Закрой глаза и представь. Ты – женщина, и ты – в постели. Ждешь романтической встречи, возможно, с любимым мужчиной.

Он открыл глаза и помотал головой.

– Этого представить я не могу..

Дайнека прикрыла ладонью его глаза и продолжила:

– Как только он постучит, тебе нужно быстро открыть дверь. Ждешь-ждешь... А его все нет. А квартира большая, мертвая... Тебе становится страшно. Ты поднимаешься, достаешь из сумки электрошокер, на всякий случай кладешь его рядом с собой, может быть, в то же кресло. Немного успокоившись, засыпаешь...

– Ну...

– Вдруг, – Дайнека заговорила угрожающим голосом, – вдруг просыпаешься оттого, что кто-то проник в комнату. Ты уверена, что это чужой. – Угрожающий тон сменился на

доверительный. – Ты же не знала, что этот гад заказал еще один ключ.

– И что дальше? – Сергею стало интересно, как она вывернется из этой придуманной ситуации.

– Ты хватаешь электрошокер и стреляешь в мерзавца. А он стреляет в тебя. Вот и все. Осталось только понять, за что он ее убил.

– За то, что не дождалась и заснула, – усмехнулся Сергей.

– Я уже заметила, что ты – циник.

– Реалист, – парировал он.

– Вот именно...

– Что ты имеешь в виду?

– Упертый, глупый мужик. Тебе не понять женской психологии.

Сергей окинул ее щуплую фигурку насмешливым взглядом.

– А ты понимаешь...

– Да уж побольше, чем ты. Смотри... – Она раскинула руки и на мгновение умолкла. Потом продолжила с еще большим энтузиазмом: – Зачем женщине здесь ночевать, если фильм закончили снимать еще в девять часов вечера. Нормальная мать и жена поедет домой, к мужу и детям. Ужин приготовит, посидит с ними перед отъездом. А утром соберет чемодан, вызовет такси, всех расцелует и поедет в аэропорт.

– Ты прямо какую-то совсем идеальную женщину описа-

ла. Такие бывают?

– Бывают. Но это не Полежаева. Она заранее собрала чемодан, сказала мужу, что вечером улетает. В девять вечера, когда закончилась съемка, она как бы ушла домой, оставив здесь свой чемодан. Потом, когда все разошлись, вернулась. И ты скажешь, что это не женская хитрость?

– Выдумщица.

– Когда полиция разберется, увидишь, что все было именно так.

– Давай-ка на этом и остановимся.

– В смысле?

– Полиция без нас во всем разберется.

– Ну уж нет. – Дайнека огляделась и только сейчас поняла, что они так и стоят в прихожей. – Идем в комнату.

– Послушай, я, между прочим, сейчас на работе.

Она махнула рукой.

– Скажешь, что пошел искать реквизит.

– Кстати, мне нужна большая настольная лампа.

В комнате Дайнека плюхнулась на диван и хлопнула рукой рядом с собой.

– Будет тебе лампа. Садись.

Он сел, но немного поодаль.

– Что еще?

– Сейчас ты должен мне рассказать обо всех мужчинах из съемочной группы. На кого из них Полежаева могла положить глаз?

– Таких найдется немного, – заметил Сергей.

– Почему? – спросила она.

– Потому, что Лида была сучарой.

– Что это значит?

– Дружила только с теми, от кого что-то зависит.

– Речь идет не о дружбе.

– Сомневаюсь, что она умела любить. А вот добиться своего точно могла.

– И это нам на руку. Не стоит перебирать осветителей и рабочих. Начнем с режиссера. Что ты можешь сказать о нем?

– Бабник.

– Вот видишь... – Дайнека потерла руки. – Сразу в яблочко.

– Потопаев конченный бабник, но любит молоденьких. А Полежаевой было сорок четыре. – Он задумался, помолчал. – И больше уже не будет... Знаешь, актрисы так боятся стареть.

– Она была еще ничего.

– Особенно если в гриме.

– Думаешь, Михаил Потопаев мог?..

– Покажи того мужика, который не мог! При определенном стечении обстоятельств, когда...

Она его перебила:

– Ну, это ты знаешь лучше меня. Значит, он – мог.

– Кто еще... – Сергей ненадолго задумался. – Ну, Стасова в расчет не берем.

- Кто такой Стасов? – спросила Дайнека.
- Вениамин Стасов, тот, что играет профессора.
- А почему его в расчет не берем?
- С ним она точно не стала бы...
- Почему?
- Потому что пять лет назад они уже развелись.
- Он был ее мужем?
- Да, и у них есть общая дочь.
- Почему развелись?

Сергей не задумываясь ответил:

- Я же сказал, Лида была сучарой.
- Она ему изменила?
- Лучше так: изменяла на постоянной основе. Об этом

всем известно.

- И ему?

– Ему в первую очередь. Она не очень-то пряталась, потом его бросила. Ушла к другому, моложе себя, да еще квартиру родителей Стасова по суду забрала.

- Видишь, значит, у него была причина ее убить.

– Только не было причин с ней встречаться. – Сергей ухмыльнулся. – На этом же построена твоя версия? Он терпеть не мог Полежаеву. Даже не смотрел в ее сторону, когда она приходила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.